

Потерянные слова

Автор:

Пип Уильямс

Потерянные слова

Пип Уильямс

Novel. ПереосмыслениеМИФ Проза

Девочка, девушка, женщина – Эсме с детства знала, что одни слова важнее других. Конечно, ученые, работавшие над Оксфордским словарем, не называли себя судьями английского языка. Их работа заключалась в хронике. Но слова из мира женщин все чаще оставались забытыми и незаписанными.

Когда Эсме решила создать собственный словарь, борьба за права женщин только набирала обороты, и словарь Эсме стал ее неотъемлемой частью. Девушка записывала даже недостойные высшего общества понятия. И пожертвовала личным счастьем ради работы.

На русском языке публикуется впервые.

Пип Уильямс

Потерянные слова

Оригинальное название:

THE DICTIONARY OF LOST WORDS

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Pip Williams, 2020

First published by Affirm Press

This edition published by arrangement with Kaplan/DeFiore

Rights through Andrew Nurnberg Literary Agency

© Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

* * *

Посвящается маме и папе

Пролог

Февраль 1886

Слово прибыло в Скрипторий в старом конверте. Прежний адрес зачеркнули и на его месте написали: «Оксфорд, Саннисайд, доктору Мюррею».

Работа папы заключалась в том, чтобы вскрывать письма, а моя – сидеть у него на коленях, словно королева на троне, и вынимать слова из бумажных колыбелей. Папа говорил мне, в какую стопку положить листочек со словом. Иногда он накрывал мою ладонь своей, водил пальцем по буквам и нашептывал мне их на ухо. Папа произносил слово, я повторяла, а потом он объяснял, что оно означает.

То слово было написано на клочке коричневой бумаги, небрежно оторванной так, чтобы подогнать ее под желаемый доктору Мюррею размер. Я приготовилась выучить новое слово, но почему-то папина ладонь не накрыла мою. Я повернулась, чтобы поторопить его, но выражение папиного лица остановило меня. Мы сидели так близко, но он, казалось, был совсем далеко.

Я снова посмотрела на слово, пытаюсь понять, в чем дело. Без папиной помощи я обвела пальцем каждую букву.

– Что это значит? – спросила я.

– Лилия, – ответил папа.

– Как мама?

– Да, как мама.

– То есть мама будет в Словаре?

– Да, в каком-то смысле.

– Мы все будем в Словаре?

– Нет.

– Почему? – Я чувствовала, как опускаюсь и поднимаюсь в такт папиному дыханию.

– Чтобы попасть в Словарь, слово должно что-то значить.

– Мама была как цветок? – спросила я, опять взглянув на слово.

Папа кивнул.

– Как самый прекрасный из них.

Он взял слово и прочитал предложение, написанное под ним. Затем перевернул бумажку, чтобы посмотреть, нет ли продолжения.

– Этого недостаточно, – заявил он и снова прочитал написанное.

Его глаза бегали по строчкам, выискивая недостающий смысл. Затем он отложил листочек в самую маленькую стопку.

Папа отодвинул стул от стола, и я слезла с его колен. Сейчас он передаст мне листочки. Я обожала раскладывать их по ячейкам. Это было еще одно задание, которое поручал мне папа. Он взял со стола наименьшую из стопок, и я попробовала угадать, в какую ячейку нужно положить маму. «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко», – промурлыкала я себе под нос. Но вместо того чтобы отдать мне слова, папа шагнул к каминной решетке и бросил их в огонь.

Всего было три листочка. Когда папа разжал руку, поток горячего воздуха разнес их по разным углам топки. Листочек с «лилией» начал скручиваться.

Я слышала свой собственный вопль, когда бежала к камину. Как папа зовет меня, я тоже слышала. Листочек корчился в пламени. Я потянулась к огню, чтобы спасти его, но коричневая бумага обуглилась, а буквы превратились в тени. Я надеялась удержать бумажку, как прошлогодний дубовый листик, поблекший и хрупкий, но стоило моим пальцам дотронуться до слова, как оно рассыпалось.

Я бы так и стояла вечно у камина, но папа с силой оттолкнул меня. Он выбежал со мной из Скриптория и засунул мою руку в снег. Его лицо побледнело, а я сказала, что мне ничуть не больно. Когда я разжала руку, на обожженной коже остались обугленные остатки слова.

Некоторые слова важнее, чем другие. Я знала об этом с детства, потому что выросла в Скриптории, однако мне потребовалось много времени, чтобы понять почему.

Часть I. 1887–1896

Май 1887

Скрипторий. Слово звучит так, будто означает грандиозное здание, где легчайшие шаги эхом разносятся между мраморным полом и позолоченным куполом. Однако это был всего лишь сарай в саду одного из домов в Оксфорде.

Вместо лопат и граблей в нем хранились слова. Каждое слово английского языка записывалось на листок размером с открытку. Их присылали со всего мира, и они хранились пачками в сотнях ячеек на стенах сарая. Доктор Мюррей был единственным, кто называл его Скрипторием. Вероятно, он считал унижительным хранить английский язык в садовом сарае. Все остальные, кто в нем работал, называли его Скриппи. Все, кроме меня. Мне нравилось, как слово Скрипторий танцевало во рту и нежно касалось моих губ. Произносить его я научилась не сразу, но, когда у меня получилось, ничего другого мне было не нужно.

Однажды папа помог мне найти в ячейках слово «скрипторий». Всего было пять листочков с примерами того, как его раньше использовали. Каждому определению было чуть более ста лет, и ни в одном из них не упоминался сарай в саду дома в Оксфорде. Листочки утверждали, что скрипторий – это мастерская для переписывания рукописей в монастыре.

Впрочем, я понимала, почему доктор Мюррей выбрал это название. Он и его помощники напоминали монахов, а я в свои пять лет легко воображала, что Словарь – их Священное Писание. Когда доктор Мюррей сказал, что понадобится вся жизнь, чтобы собрать все слова, я не поняла, о чьей жизни он говорил. Его волосы уже были седыми, как пепел, а они только наполовину разобрали вторую

букву алфавита – В.

* * *

Папа и доктор Мюррей вместе работали учителями в Шотландии еще задолго до появления Скриптория. Так как они были друзьями, а я была лишена материнской заботы и папу считали самым надежным лексикографом, все закрывали глаза на мое присутствие во время работы.

Скрипторий казался волшебным – в его стенах хранилось все, что было, есть и будет. Книги лежали везде, где только можно. Старые словари, истории и сказки древних времен заполняли полки, отделявшие друг от друга столы или создававшие укромный уголок для стула. Ячейки закрывали стены от пола до потолка. Они были забиты листками. Папа как-то сказал, что если я прочитаю каждый из них, то пойму смысл всего на свете.

В самом центре стоял сортировочный стол. На одном конце стола сидел папа, слева и справа от него работали трое помощников. К другому концу стола было приставлено бюро доктора Мюррея, так что он мог видеть все слова и людей, которые помогали ему с ними разобраться.

Мы всегда приходили раньше других лексикографов, поэтому и папа, и слова ненадолго оказывались в моем распоряжении. Я сидела у него на коленях, и мы вместе разбирали листочки. Когда мне встречалось незнакомое слово, папа читал определение к нему и помогал понять его значение. Если я задавала дополнительные вопросы, он старался найти книгу, из которой была взята цитата, и зачитывал мне целые главы. Это было похоже на поиски сокровищ, и иногда мне удавалось найти настоящее золото.

– «Этот мальчик был большой бездельник и озорник», – прочитал папа цитату, которую он только что вытащил из конверта.

– Я тоже бездельник и озорник? – спросила я.

– Иногда, – ответил папа, пощекотав меня.

Мне стало интересно, кто этот мальчик, и папа показал, что было написано сверху на листочке.

– «Волшебная лампа Аладдина», – прочитал он.

Когда пришли другие работники, я скользнула под сортировочный стол.

– Сиди тихо как мышка и не мешай, – велел папа.

Прятаться под столом было совсем не сложно.

Вечером я сидела у папы на коленях возле растопленного камина, и мы читали «Волшебную лампу Аладдина». Папа сказал, что эта сказка очень старая. Она была про мальчика из Китая. Я спросила, есть ли еще похожие сказки, и папа ответил, что их целая тысяча. Я никогда раньше не слышала подобных историй, не была в таких местах и не знала этих людей. Я оглядела Скрипторий и представила его лампой джинна. Он тоже был неприметным снаружи и полным чудес внутри. Некоторые вещи нам кажутся другими, не такими, какие они есть на самом деле.

На следующий день я стала просить папу прочитать мне еще одну сказку, забыв, что нужно сидеть тихо, как мышь.

– Бездельницу могут выгнать отсюда, – предупредил папа, и я представила, что меня отправили в пещеру Аладдина. Остаток дня я просидела под сортировочным столом, где меня в конце концов и нашло маленькое сокровище.

Это был листочек со словом, который слетел с края стола. Пока он медленно приземлялся, я решила спасти его и самой отнести доктору Мюррею.

Я наблюдала за ним. Листочек долго кружился, подхваченный невидимым потоком воздуха, и я ждала, когда же он упадет на пыльный пол, но этого не случилось. Он парил, как птица, и, почти приземлившись, перекувыркнулся в воздухе, словно по велению джинна. Каково же было мое удивление, когда он упал мне прямо на колени.

Листочек лежал в складках моего платья, как звезда, упавшая с неба. Я не осмеливалась к нему прикоснуться. Трогать листочки со словами мне разрешалось только в присутствии папы. Я хотела позвать его, но не смогла вымолвить ни слова. Так и сидела с листком на коленях, сгорая от желания прикоснуться к нему. Что это за слово? Кто уронил его? Никто за ним так и не наклонился.

Наконец я взяла листок, стараясь не помять его серебристые крылышки, и поднесла к глазам. В полумраке моего укрытия читать было сложно, и я переползла туда, где в просвете между двумя стульями сверкали пылинки.

Я поднесла листочек к свету. Черные чернила на белой бумаге. Восемь букв. Первая – В, похожая на бабочку. Остальные буквы я проговорила, как учил папа: О – круглая, как апельсин, N – от слова night, D – от слова dog, M – это доктор Мюррей, A – от слова apple, I – от слова ink, D – снова dog. Буквы я произносила шепотом. Первая часть сложилась легко: bond. Вторая часть не сразу получилась, но потом я вспомнила, как A и I читаются вместе. Maid.

Это слово – bondmaid[1 - Невольница. Здесь и далее перевод с английского, если не указано иное.]. Под ним, как клубок ниток, переплетались другие слова. Я не смогла понять, были ли они цитатой, присланной по почте, или их написал кто-то из помощников доктора Мюррея. Папа говорил, что они часами сидят в Скриптории для того, чтобы разобрать каждое новое слово и внести его в Словарь. Эта работа была важной еще и потому, что давала мне возможность обучаться, питаться три раза в день и становиться прекрасной молодой леди. Все эти слова, сказал он, были для меня.

– Вы каждое слово внесете в Словарь? – спросила я однажды.

– Нет, некоторые пропустим, – ответил папа.

– Почему?

Он задумался.

– Они просто недостаточно значимые.

Я нахмурилась.

– Слишком мало людей написало о них доктору Мюррею, – пояснил папа.

– А что случается с пропущенными словами?

– Они возвращаются в ячейки. И если информации о них недостаточно, мы потом выбрасываем листочки.

– Но ведь слова могут забыться, если не попадут в Словарь.

Папа склонил голову набок и посмотрел на меня так, будто я сказала что-то важное.

– Да, могут.

Так я выяснила, как выбрасывают слова, поэтому аккуратно сложила bondmaid и спрятала в карман платья.

Секунду спустя под стол заглянул папа.

– Ну, беги, Эсме! Лиззи ждет тебя.

Я посмотрела сквозь все ножки – стульев, столов, людей – и увидела юную служанку Мюррея. Она стояла в проеме двери. Длинное платье было туго повязано на поясе, но сверху и снизу все равно оставалось слишком много ткани. Лиззи жаловалась мне, что ей еще расти и расти, пока платье станет впору. Когда я смотрела на нее снизу вверх из-под стола, мне казалось, что она одета в маскарадный костюм. Я проползла между всеми ножками и бросилась к ней.

– В следующий раз заходи и ищи меня. Так веселее! – предложила я ей.

– Там мне не место, – она взяла меня за руку и повела к большому ясеню.

– А где твое место?

Она нахмурилась и пожала плечами.

– Наверное, в комнате наверху. На кухне, когда я помогаю миссис Баллард, а когда не надо помогать, то и там мне не место. В церкви Святой Марии Магдалины по воскресеньям.

– И это все?

– Еще в саду, когда я за тобой присматриваю, чтобы мы не путались под ногами у миссис Би. И все чаще и чаще на Крытом рынке, потому что у нее болят колени.

– Ты всегда жила в Саннисайде? – спросила я.

– Нет, не всегда, – Лиззи взглянула на меня, и я заметила, что ее улыбка исчезла.

– А где ты была?

– С матушкой и со всеми нашими малявками.

– Кто такие малявки?

– Дети.

– Как я?

– Как ты, Эссимей.

– Они умерли?

– Только матушка умерла, а малышей забрали. Не знаю куда. Они были слишком маленькие для прислуживания.

– Что такое прислуживание?

– Ты перестанешь задавать свои вопросы? – Лиззи подхватила меня под мышки и стала кружить до тех пор, пока у нас обеих не закружилась голова и мы не

упали на траву.

– А где мое место? – спросила я, переводя дух.

– Я думаю, в Скриппи, с твоим отцом. В саду, в моей комнате и на табурете в кухне.

– А дома?

– И дома, конечно. Хотя, мне кажется, ты проводишь больше времени здесь, чем там.

– Но у меня нет воскресного места, как у тебя, – сказала я.

– И у тебя есть, – Лиззи снова нахмурилась. – В церкви Святого Варнавы.

– Мы туда редко ходим. Папа всегда приносит с собой какую-нибудь книжку. Поставит ее перед псалмами и читает, вместо того чтобы петь. – Я рассмеялась, вспомнив, как папа беззвучно открывает и закрывает рот, подражая прихожанам.

– Ничего смешного, Эссимей! – Лиззи нащупала крестик, который носила под одеждой. Я испугалась, что она подумает о папе плохо.

– Это потому, что Лили умерла, – объяснила я.

Хмурое лицо Лиззи стало грустным, и это мне тоже не понравилось.

– Он говорит, что я сама должна принять решение, верить ли мне в Господа и Небеса, поэтому мы и ходим в церковь, – Лиззи расслабилась, и я решила вернуться к более легкой теме. – Мое самое любимое место в Саннисайде – это Скрипторий. Потом – твоя комната. Потом – кухня, особенно когда миссис Баллард печет пятнистые лепешки.

– Ты такая смешная, Эссимей. Это фруктовые лепешки, а пятнышки – это изюм.

Папа говорил, что Лиззи – еще сама ребенок. Я тоже это заметила, когда он с ней разговаривал. Лиззи стояла так тихо, как могла, сцепив руки, чтобы они у нее не ерзали, и со всем соглашалась, молча кивая головой. Похоже, она побаивалась его, как и я доктора Мюррея, но, как только папа уходил, Лиззи косилась на меня и подмигивала.

Мы лежали на траве, и мир все еще кружился перед глазами. Внезапно Лиззи протянула руку и вытащила из-за моего уха цветок. Как волшебница.

– У меня есть секрет, – заявила я.

– Какой, моя капуста?

– Здесь не скажу. Он может улететь.

Мы на цыпочках пробрались через кухню к узкой лестнице, ведущей в комнату Лиззи. Миссис Баллард нагнулась над мучным мешком в кладовой, и я видела только ее большой зад, прикрытый складками темно-синей юбки. Если бы она нас заметила, то наверняка придумала бы для Лиззи какое-нибудь поручение, и моему секрету пришлось бы подождать. Я приложила палец к губам, но еле сдержалась, чтобы не захихикать. Лиззи схватила меня костлявыми руками и потащила вверх по лестнице.

В комнате было холодно. Лиззи стянула покрывало с кровати и постелила его на голый пол, как коврик. Мне стало интересно, были ли в соседней комнате дети Мюрреев. За стеной находилась детская, и мы иногда слышали плач маленького Джоуэтта, но обычно он плакал недолго, потому что миссис Мюррей или кто-то из старших детей сразу же приходили к нему. Прислонившись к стене, я услышала, как малыш просыпается – оттуда доносилось тихое гуление, еще не превратившееся в слова. Я представила, как он открывает глаза и понимает, что рядом никого нет. Джоуэтт сначала захныкал, а потом стал реветь. В этот раз к нему пришла Хильда. Когда плач затих, я узнала ее по звонкому голосу. Хильде было тринадцать, как и Лиззи. Ее младшие сестры, Элси и Росфрит, вечно ходили за ней по пятам. Усаживаясь на покрывало вместе с Лиззи, я представила, как девочки за стеной делают то же самое. Интересно, в какую игру они бы сыграли?

Мы сидели напротив друг друга, скрестив ноги и соприкасаясь коленями. Я подняла руки, чтобы сыграть в ладошки, но Лиззи, увидев мои обожженные розовые пальцы, замерла.

– Они уже не болят, – сказала я.

– Точно?

Я кивнула, и мы стали играть в ладошки, однако Лиззи щадила мои поврежденные пальчики, и звучных хлопков не получалось.

– Итак, что там у тебя за секрет, Эссимей? – спросила она.

Чуть не забыла! Я вытащила из кармана листочек, который упал мне утром на колени.

– И что это? – Лиззи взяла бумажку и повертела ее в руках.

– Это слово, но я смогла прочитать только здесь, – я указала на bondmaid. – Прочитаешь мне остальное?

Лиззи провела пальцем по словам так же, как я, потом вернула мне листок.

– Где ты нашла его? – спросила она.

– Он сам меня нашел, – ответила я, но, когда поняла, что этого недостаточно, тут же добавила: – Его кто-то из сотрудников выбросил.

– Так прямо взял и выбросил?

– Да, – ответила я, почти не отводя взгляд. – Некоторые слова не имеют смысла, и они их выбрасывают.

– Ну и что ты будешь делать со своим секретом? – поинтересовалась Лиззи.

Об этом я еще не думала. Мне просто хотелось показать ей листочек. Я понимала, что нельзя просить папу сохранить его, но и в кармане платья он не мог оставаться вечно.

– Можешь сберечь его для меня? – спросила я.

– Да, если хочешь. Но что в нем такого особенного?

Особенным было то, что слово попало именно ко мне. Конечно, это мелочь, но не совсем. Слово было таким маленьким и хрупким, и оно могло не значить ничего важного, но мне нужно было спасти его от камина. Я не знала, как объяснить это Лиззи, да та и не настаивала. Вместо этого она встала на четвереньки и достала из-под кровати маленький деревянный сундук.

Я увидела, как Лиззи провела пальцем по тонкому слою пыли на поцарапанной крышке. Она не спешила его открывать.

– Что внутри? – спросила я.

– Ничего. Все, с чем я приехала, теперь висит в том шкафу.

– Может быть, он пригодится тебе для путешествий?

– Не пригодится, – ответила она и открыла защелку.

Я положила свой секрет на дно сундука и снова села на корточки. Листочек выглядел маленьким и одиноким. Я переложила его сначала в одну сторону, потом в другую. Наконец взяла его в руки.

Лиззи погладила меня по волосам:

– Тебе нужно найти другие сокровища, чтобы ему не было так одиноко.

Я встала, подняла листочек над сундуком как можно выше и разжала пальцы. Покачиваясь из стороны в сторону, он медленно опускался, пока не приземлился в одном из углов сундука.

– Вот здесь он хочет быть, – сказала я и наклонилась, чтобы разгладить бумажку. Только она не разглаживалась. Под обивкой дна был бугорок. Край ткани был уже отклеен, поэтому я отодвинула его немного.

– Сундук не пустой, Лиззи! – воскликнула я, когда показалась головка булавки.

Лиззи наклонилась ко мне, чтобы понять, о чем я говорю.

– Это булавка для шляпы, – сказала она, поднимая ее. На головке булавки были нанизаны три разноцветные бусины. Лиззи задумчиво покрутила находку между пальцами. Было видно, что она что-то вспомнила. Лиззи прижала булавку к груди, поцеловала меня в лоб и бережно положила ее на прикроватный столик рядом с маленькой фотографией своей матери.

* * *

Дорога домой в Иерихон обычно занимала больше времени, чем следовало, потому что я была маленькой, а папа любил неспешно прогуливаться, покуривая трубку. Мне нравился запах его табака.

Мы пересекли широкую Банбери-роуд и двинулись вниз по улице Сент-Маргарет мимо высоких домов с красивыми садами и деревьями, затенявшими тротуар. Потом мы петляли по узким улочкам, где дома прижимались друг к другу, как листочки в своих ячейках. Когда мы свернули на улицу Обсерватории, папа постучал трубкой о забор, сунул ее в карман и посадил меня себе на плечи.

– Скоро ты станешь слишком большой для моих плеч, – проговорил он.

– Я уже больше не буду малявкой, когда вырасту?

– Тебя так Лиззи называет?

– И так, и капусткой, и Эссимей.

– Малявка – мне понятно, Эссимей – тоже, но почему она тебя зовет капусткой?

Капустка всегда сопровождалась объятиями или теплой улыбкой, и мне это слово почему-то казалось вполне уместным.

Наш дом находился посредине улицы Обсерватории, сразу же за углом улицы Аделаиды. Когда мы дошли до входной двери, я посчитала вслух: «Раз, два, три – у этого дома замри!»

У нас был старый дверной молоток из меди в форме руки. Лили нашла его в ларьке с безделушками на Крытом рынке. Папа сказал, что молоток был потускневшим и поцарапанным, а между пальцами забился речной песок, но он почистил его и прикрепил к двери в день их свадьбы. И вот сейчас он достал из кармана ключ, я наклонилась вперед, накрыла руку Лили своей и постучала четыре раза.

– Никого нет дома, – сказала я.

– Сейчас будут.

Папа распахнул дверь, и я пригнулась, когда он переступал порог.

* * *

Он опустил меня на пол, поставил сумку на комод и подобрал с пола письма. Я прошла за ним по коридору на кухню и села за стол ждать, пока он приготовит ужин. Трижды в неделю к нам приходила горничная, чтобы убираться, готовить и стирать нашу одежду, но в тот день ее не было.

– Я стану прислугой, когда вырасту?

Папа встряхнул сковороду, чтобы перевернуть сосиски, и посмотрел на меня.

– Нет, не станешь.

– Почему?

Он снова встряхнул сосиски.

– Трудно объяснить.

Но я ждала ответа. Папа тяжело вздохнул, и складки между его бровями стали еще глубже.

– Лиззи повезло, что она стала служанкой, а для тебя это было бы неудачей.

– Не понимаю.

– Я так и думал.

Папа слил воду с гороха, размял картофель и выложил все на тарелки с сосисками. Сев за стол, он сказал:

– Для разных людей, Эсси, прислуживание имеет разное значение, в зависимости от их положения в обществе.

– Все эти значения попадут в Словарь?

Складки между бровями разгладились.

– Заглянем завтра в ячейки, хорошо?

– А Лили смогла бы объяснить значение прислуживания? – спросила я.

– Твоя мама объяснила бы тебе все на свете, – ответил папа. – Но без нее мы должны полагаться на Скриппи.

* * *

На следующее утро, прежде чем разобрать почту, папа приподнял меня, чтобы я заглянула в ячейку со словом прислуживание.

– Давай посмотрим, что мы там сможем найти.

Я с трудом дотянулась до ячейки. В ней лежала целая пачка листочков. Слово прислуживание было написано на самом верхнем из них, а чуть ниже него: разные значения. Мы сели за сортировочный стол, и папа разрешил мне развязать шнурок, которым были скреплены листочки с определениями. Они были разделены на четыре маленькие стопки, у каждой из которых был свой заглавный листочек со значением слова, предложенным кем-то из самых опытных помощников доктора Мюррея.

– Эдит собирала их, – сказал папа, раскладывая листочки на столе.

– Тетя Дитте?

– Она самая.

– Значит, она лекси... лексиграфа, как ты?

– Лексикограф. Нет, но она весьма образованная дама. Нам повезло, что работа над Словарем стала ее хобби. Она постоянно присылает доктору Мюррею новое слово или его определение.

Каждую неделю тетя Дитте присылала письма и нам. Папа зачитывал их вслух, потому что они касались в основном меня.

– Я тоже ее хобби?

– Ты – ее крестница, а это куда важнее, чем хобби.

На самом деле тетю Дитте звали Эдит, но, когда я была совсем маленькой, я с трудом выговаривала ее имя. Тетя сказала, что я могу называть ее, как мне нравится. В Дании ее бы звали Дитте. «Дитте, сладостей хотите?» – придумала я рифму и больше никогда не звала ее Эдит.

– Теперь давай посмотрим, какие определения Дитте дала слову прислуживание, – сказал папа.

Многие цитаты описывали работу Лиззи, но ни одна из них не объясняла, почему прислуживание для нас имеет разное значение. В последней стопке не было

заглавного листочка.

– Это дубликаты, – объяснил папа, помогая мне читать слова.

– Что с ними будет? – спросила я. Но ответить он не успел, потому что дверь Скриптория открылась и вошел один из помощников доктора Мюррея, на ходу завязывая галстук, как будто только что его накинул на шею. Он завязал его криво, а потом еще и под жилет забыл спрятать.

Мистер Митчелл посмотрел через мое плечо на листочки, разложенные на столе. Темная прядь волос упала ему на глаза. Он откинул ее назад, но масла для волос было слишком мало, чтобы удержать ее на месте.

– Прислуживание, – прочитал он.

– Лиззи прислуживает, – сказала я.

– Да, это так.

– Но папа говорит, что для меня будет неудачей стать служанкой.

Мистер Митчелл посмотрел на папу. Тот пожал плечами и улыбнулся.

– Когда ты вырастешь, Эсме, я думаю, ты сможешь делать все, что захочешь, – ответил мистер Митчелл.

– Хочу стать лексикографом.

– Ну что же, это хорошее начало, – сказал мистер Митчелл, указывая на листочки.

В Скрипторий вошли мистер Мейлинг и мистер Балк, обсуждая слово, о котором они спорили накануне. Потом пришел доктор Мюррей в черной широкой мантии. Я переводила взгляд с одного мужчины на другого и старалась определить их возраст по цвету и длине бород. У папы и мистера Митчелла они были короткими и темными, а у доктора Мюррея седеющая борода доходила до верхней пуговицы жилета. Длина бород мистера Мейлинга и мистера Балка была

средней. Раз они все уже пришли, мне пора исчезнуть. Я залезла под стол и стала ждать падающие листочки. Очень хотелось, чтобы меня нашло еще одно слово. Но этого не случилось. Впрочем, когда папа отправил меня к Лиззи, мои карманы не были пустыми.

– Еще один секрет, – сказала я, показав Лиззи маленький листочек.

– Можно ли мне разрешать тебе выносить секреты из Скриппи?

– Папа сказал, что это дубликат. Там есть еще один такой же листок.

– Что тут написано?

– Что ты должна прислуживать, а я – вышивать, пока какой-нибудь джентльмен не захочет на мне жениться.

– Правда? Тут так написано?

– Наверное.

– Тогда мне нужно научить тебя вышивать.

– Спасибо, Лиззи, не надо, – ответила я. – Мистер Митчелл сказал, что я смогу стать лексикографом.

В последующие дни я, как обычно, помогала папе разбирать почту, а затем залезала под стол и ждала падающих слов. Но когда они падали, их сразу же подбирал кто-то из помощников. Через несколько дней я забыла, что нужно поджидать слова, а через пару месяцев забыла и о сундуке под кроватью Лиззи.

Апрель 1888

– Туфли? – спросил папа.

– Блестят, – ответила я.

– Чулки?

– Подтянуты.

– Платье?

– Чуть-чуть короткое.

– И узкое?

– Нет, в самый раз.

– Уф! – сказал папа, вытирая лоб.

Он посмотрел на мои волосы.

– Откуда их столько взялось? – пробормотал он, приглаживая мою шевелюру своими большими неуклюжими руками. Рыжие кудри скользили у него между пальцев, и он пытался их поймать, но у него все равно ничего не получалось: только зацепит одну прядь, другая выскочит. Я стала хихикать, и папа развел руками.

Из-за моих волос мы опаздывали, но папа сказал, что сейчас так модно. Когда я спросила, что значит «модно», он объяснил, что это важно для одних и совершенно не волнует других и что это относится ко всему – от шляп и обоев до опозданий на праздники.

– Нам нравится быть модными? – спросила я.

– Нет, не очень.

– Тогда нам лучше поспешить, – я взяла его за руку, и мы помчались по улице. Немного запыхавшись, мы прибежали в Саннисайд уже через десять минут.

Парадные ворота были украшены буквами А и В разных форм и цветов. На прошлой неделе я часами раскрашивала свои буквы и теперь была рада видеть их среди тех, которые разукрасили дети доктора Мюррея.

– Мистер Митчелл пришел. А он модный? – спросила я.

– Ничуть, – папа протянул ему руку, когда тот приблизился.

– Сегодня большой праздник, – сказал он папе.

– Да, долгожданный.

Мистер Митчелл опустился на колени, и мы оказались с ним лицом к лицу. Сегодня он нанес достаточно масла для волос, чтобы они правильно лежали.

– С днем рождения, Эсме!

– Спасибо, мистер Митчелл.

– Сколько тебе исполнилось?

– Шесть лет. Я знаю, что этот праздник не для меня – он в честь букв А и В, – но папа сказал, что мне можно съесть два куска торта.

– Все верно, – он достал маленький сверток из кармана и протянул его мне. – Что за праздник без подарков? Это тебе, юная леди! Возможно, ты будешь раскрашивать ими букву С перед своим следующим днем рождения.

В свертке была маленькая коробочка цветных карандашей, и я улыбнулась мистеру Митчеллу. Когда он вставал, я посмотрела на его ноги. Один носок у него был черный, а другой – зеленый.

Под ясенем накрыли длинный стол, и выглядел он так, как я себе и представляла: белая скатерть, тарелки с едой и стеклянная чаша с пуншем. С ветвей ясеня свисали цветные ленты, и людей было больше, чем я смогла сосчитать. «Никто не захотел быть модным», – подумала я.

Недалеко от стола младшие сыновья доктора Мюррея играли в салки, а девочки прыгали через веревку. Если бы я подошла, меня бы тоже пригласили играть – они всегда так делали, – но веревку я держала неуклюже, а во время прыжков все время сбивалась с ритма. Они бы меня подбодрили, и я бы попробовала еще раз. Но разве приятно прыгать через веревку, если ее постоянно кто-то задевает? Я смотрела, как Хильда и Этельвин крутили ее в такт считалочке. Росфрит и Элси держались за руки и прыгали все быстрее и быстрее, подстраиваясь под нарастающую скорость сестер. Росфрит было четыре года, а Элси была всего лишь на несколько месяцев старше меня. Их белокурые косы летали вверх-вниз, словно крылья. За все время, что я наблюдала за девочками, они ни разу не сбились с ритма. Я дотронулась до своих волос и поняла, что заплетенная папой коса распустилась.

– Подожди здесь, – велел папа.

Обходя толпу, он пошел в сторону кухни и через минуту вернулся вместе с Лиззи.

– С днем рождения, Эссимей! – сказала она, беря меня за руку.

– Куда мы идем?

– За твоим подарком.

Вслед за Лиззи я поднялась по узкой лестнице, ведущей из кухни наверх. Когда мы вошли в ее комнату, она усадила меня на кровать и полезла в карман.

– Закрой глаза, моя капуста, и вытяни перед собой руки, – попросила она.

Я закрыла глаза и почувствовала улыбку на своем лице. Что-то легкое скользнуло на мои ладони. Ленты. Я заставила себя продолжать улыбаться: у меня дома рядом с кроватью стояла коробка, доверху набитая лентами.

– Можешь открыть глаза.

Две ленты. Не такие блестящие и гладкие, как та, которой папа перевязал мне волосы сегодня утром, но на их концах были вышиты колокольчики – такие же,

как на моем платье.

– Они не такие скользкие, как другие, поэтому ты их не потеряешь, – сказала Лиззи и провела пальцем по моим волосам. – И я думаю, они будут отлично смотреться на французских косичках.

Через несколько минут мы с Лиззи уже были в саду.

– А вот и королева бала, – сказал папа. – Как раз вовремя.

Доктор Мюррей стоял в тени ясеня. Перед ним на маленьком столике лежала огромная книга. Он постучал вилкой по краю своего бокала, и все притихли.

– Когда доктор Джонсон начал работать над своим Словарем, он решил не оставлять ни одного слова без внимания. – Доктор Мюррей сделал паузу, чтобы убедиться, что его слушают. – Его решимость вскоре ослабла, когда он понял, что одно исследование ведет к другому, что одна книга ссылается на другую и что искать – не значит найти, а найти – не значит узнать истину.

Я потянула папу за рукав.

– Кто такой доктор Джонсон?

– Редактор прошлого Словаря, – ответил он шепотом.

– Если Словарь уже существует, зачем вы делаете новый?

– В старом Словаре были неточности.

– А у вас хороший Словарь получится?

Папа приложил палец к губам и снова стал слушать доктора Мюррея.

– Мне повезло больше, чем доктору Джонсону, благодаря доброй воле и совместной работе ученых и специалистов. Большинство из них – очень занятые люди, но они настолько увлечены нашим делом, что готовы жертвовать

драгоценным временем на редакторскую деятельность и делиться своими знаниями для совершенствования нашей работы.

Доктор Мюррей принялся благодарить всех, кто помог собрать слова на буквы А и В. Список оказался таким длинным, что мои ноги устали стоять. Я села на траву и стала срывать стебельки. Я сдирала с них кожицу до нежно-зеленого слоя и высасывала сок. Только когда я услышала имя тети Дитте, я подняла глаза. Потом прозвучали имена всех, кто работал в Скриптории, в том числе и имя папы.

Когда доктор Мюррей закончил свою речь и стал принимать поздравления, папа подошел к столику и взял Словарь. Он подозвал меня и усадил спиной к шершавому стволу ясеня, а тяжелую книгу положил мне на колени.

– В нем слова моего дня рождения?

– Они самые, – папа открыл книгу и стал переворачивать страницы, пока не дошел до первого слова.

А.

Он перелистнул еще несколько страниц.

Aard-vark[2 - Африканский трубкозуб.].

Потом еще несколько страниц.

«Мои слова, – думала я, – все в кожаном переплете и на позолоченных страницах». Казалось, что под их тяжестью я уже никогда не сдвинусь с места.

Папа вернул книгу на столик, и на нее сразу же налетела толпа. Я даже испугалась за слова.

– Осторожнее! – крикнула я.

Но меня никто не услышал.

– А вот и Дитте, – сказал папа.

Я бросилась к ней навстречу, как только она прошла через ворота.

– Ты на торт опоздала, – сказала я.

– Значит, я пришла как раз вовремя, – она наклонилась и поцеловала меня в макушку. – Единственная выпечка, которую я ем, – это кекс «Мадера»[3 - Лимонный кекс, который в Англии подают к ликерам или чаю.]. Железное правило, которое помогает мне держать себя подтянутой.

Тетя Дитте была такой же полной, как миссис Баллард, только еще ниже ростом.

– Что значит подтянутой?

– Недостижимо идеальной. Но тебе вряд ли придется об этом беспокоиться, – сказала она и добавила: – Подтянуть – это немного уменьшить.

В действительности Дитте не была мне тетей. Моя настоящая тетя жила в Шотландии. Детей у нее было так много, что совсем не оставалось времени меня баловать. Так говорил папа. У Дитте детей не было, и она жила в Бате с сестрой Бет. День и ночь она собирала цитаты для доктора Мюррея и писала свою «Историю Англии», но все-таки находила время, чтобы посылать мне письма и привозить подарки.

– Доктор Мюррей сказал, что вы с Бет плодливо поработали, – с важностью заявила я.

– Плодотворно, – поправила меня Дитте.

– Это значит хорошо?

– Это значит, что мы собрали много слов и определений для его Словаря. Уверена, он хвалил нас.

– Но вы собрали не так много, как мистер Томас Остин. Он намного плодливее вас.

– Плодотворнее. Да, так и есть. Не представляю, откуда у него столько времени. А теперь давай попробуем пунш. – Дитте взяла меня за необожженную руку и повела к праздничному столу.

Следуя за ней сквозь толпу, я потерялась в лесу коричневых и клетчатых брюк и пестрых юбок. Все хотели поговорить с ней, и каждый раз, когда мы останавливались, я развлекала себя тем, что старалась угадать, кому принадлежат брюки.

– Точно ли его нужно вносить? – спросил какой-то мужчина. – Слово такое неприятное, что, мне кажется, его лучше не предлагать к использованию.

Дитте крепче сжала мою ладонь. Я не распознала мужчину по брюкам и подняла голову в надежде узнать его лицо, но смогла увидеть только бороду.

– Сэр, мы не судьи английского языка. Наша работа заключается в хронике, а не в суде.

Когда мы наконец добрались до стола под ясенем, Дитте налила два стакана пунша и положила на маленькую тарелку бутерброды.

– Хочешь верь, хочешь нет, Эсме, но я проделала такой путь не для того, чтобы говорить о словах. Давай найдем спокойное место, где можно посидеть, и ты расскажешь, как вы с папой поживаете.

Я повела Дитте в Скрипторий. Когда она закрыла за собой дверь, шум праздника стал тише. Так я впервые оказалась в Скриптории без папы, или доктора Мюррея, или кого-то из помощников. Мы стояли на пороге, и мне хотелось показать Дитте все ячейки, наполненные словами и определениями, все старые словари и брошюры, все гранки, куда слова впервые записывались, пока их не набиралось на целый том. Я долго не могла научиться правильно произносить все эти названия, и сейчас мне хотелось, чтобы Дитте их услышала.

Я указала на один из двух лотков на маленьком столике у двери.

– Сюда складывают все письма, которые пишут доктор Мюррей, папа и все остальные. Иногда в конце дня мне разрешают опускать их в уличный почтовый

ящик, – сказала я. – Письма, которые присылаешь ты, попадают в этот лоток. Если в них есть листочки, мы вынимаем их первыми, и папа разрешает мне разложить их по ячейкам.

Дитте порылась в сумочке и достала маленький конверт, так хорошо мне знакомый. И хотя она стояла рядом, от ее аккуратного с наклоном почерка в моей груди появился легкий трепет.

– Решила сэкономить на марке, – пояснила она, протягивая мне конверт.

Я не знала, что с ним делать без папиных указаний.

– Листочки внутри есть? – спросила я.

– Листочков нет. Там просто мое мнение относительно включения в Словарь одного старинного слова, которое так смутило джентльменов из Филологического общества.

– Что это за слово? – спросила я.

Дитте задумалась, закусив губу.

– Боюсь, оно неприличное. Твой папа не обрадуется, если я тебя с ним познакомлю.

– Ты просишь доктора Мюррея не включать его?

– Напротив, милая. Я настоятельно прошу доктора его внести.

Я положила конверт сверху на стопку писем на столе у доктора Мюррея и продолжила свою экскурсию.

– Это ячейки, в которых хранятся листочки, – я обвела рукой ближайшую к себе стену, потом точно так же показала другие стены Скриптория. – Папа сказал, что будут тысячи и тысячи листочков, поэтому для них нужны сотни ячеек. Их сделали на заказ, и доктор Мюррей определил размер листочков, чтобы они помещались в ячейки.

Дитте вытащила пачку листочков, и мое сердце кольнуло.

– Мне нельзя их трогать без папы, – сказала я.

– Ну, если мы будем аккуратны, никто об этом не узнает, – Дитте подмигнула мне, и мое сердце забилося еще быстрее. Она перебирала листочки, пока ей не попался один необычный, по размеру больше, чем другие. – Смотри, слово написано на обратной стороне письма. Видишь? Бумага такого же цвета, как твои колокольчики.

– Что написано в письме?

Дитте прочитала что смогла.

– Здесь только отрывок, но, по-моему, это любовное письмо.

– Зачем кому-то разрезать любовное письмо?

– Смею предположить, что чувства были невзаимными.

Дитте положила листочки обратно в ячейку, и все выглядело так, как будто их никто оттуда и не вытаскивал.

– А здесь слова моего дня рождения, – сказала я, шагнув к самым старым ячейкам, в которых хранились слова на букву А.

Дитте изогнула бровь.

– Над этими словами папа работал до того, как я родилась. Обычно я выбираю какое-нибудь слово в свой день рождения, и он помогает мне его понять, – пояснила я, и Дитте кивнула. – А это сортировочный стол. Папа сидит здесь, мистер Балк – там, а мистер Мейлинг – рядом с ним. Bonan matenon, – произнесла я и посмотрела на Дитте.

– Прости, что?

– Bonan matenon – так здоровается мистер Мейлинг на языке сперанто.

– Эсперанто[4 - Искусственно созданный универсальный язык для международного общения.].

– Да, точно! Мистер Уоррелл сидит здесь, а мистер Митчелл – здесь, но ему нравится перемещаться вокруг стола. Представляешь, у него всегда разные носки.

– Откуда ты знаешь?

Я захихикала.

– Знаю, потому что мое место здесь, – я встала на четвереньки и заползла под стол.

– Неужели?

Я хотела пригласить ее к себе, но передумала.

– Чтобы уместиться здесь, нужно быть подтянутой, – сказала я.

Дитте засмеялась и протянула руку, чтобы помочь мне вылезти из-под стола.

– Давай сядем на стул твоего отца.

Каждый год Дитте дарила мне два подарка: книгу и историю. Книги всегда были взрослые, с интересными словами, которые дети обычно не используют. Когда я научилась читать, Дитте заставляла меня делать это вслух. И я читала до тех пор, пока мне не попадалось незнакомое слово. И только тогда она начинала рассказывать историю.

Я открыла книгу.

– «Происхождение пород», – медленно прочитала Дитте, проводя пальцем по словам.

– О чем она? – я полистала страницы в поисках картинок.

– О животных.

– Я люблю животных, – сказала я, затем открыла вступление и начала читать: «Путешествуя на борту корабля Его Величества «Бигль»...» – я посмотрела на Дитте. – Это про собаку?

– Нет! – засмеялась она. – «Бигль» – это название корабля.

Я продолжила:

– «...в качестве...» – я запнулась и показала на следующее слово.

– Натуралиста, – подсказала Дитте, произнеся это слово медленно и четко. – Это человек, который изучает природу: растения и животных.

– Натуралиста, – повторила я и закрыла книгу. – Ты расскажешь мне сейчас историю?

– О чем бы рассказать тебе? – Дитте сделала задумчивый вид, но на ее лице была улыбка.

– Ты знаешь о чем.

Дитте откинулась на спинку стула, и я уютно расположилась у нее на коленях, положив голову ей на плечо.

– Ты подросла за год, – сказала тетя.

– Но я все еще уместаюсь здесь.

Я прижалась к Дитте, и она обняла меня.

– Когда я впервые увидела Лили, она готовила суп из водяного кресса и огурцов.

Я закрыла глаза и представила, как мама помешивает суп в кастрюле. В своем воображении я пыталась одеть ее в обычную одежду, но она отказывалась снимать фату, в которой была на фотографии в спальне папы. Я любила этот снимок, потому что на нем папа смотрел на маму, а мама смотрела прямо на меня. «Фата попадет в суп», – подумала я и улыбнулась.

– Готовила Лили под руководством своей тети – мисс Фёрнли, – продолжила Дитте, – очень высокой и деловой женщины, которая была не только секретарем нашего теннисного клуба, где произошла эта история, но и директрисой маленького частного колледжа для девушек. Лили там училась, а огуречный суп, судя по всему, входил в учебную программу.

– Что такое программа? – спросила я.

– Это список предметов, которые изучают в школе.

– А у меня есть программа в школе Святого Варнавы?

– Ты совсем недавно начала учиться, поэтому в твоей программе есть только чтение и письмо. Тебе добавят другие предметы, когда ты станешь старше.

– Какие предметы добавят?

– Надеюсь, что-то менее обыденное, чем суп из водяного кресса и огурцов. Можно дальше рассказывать?

– Да, пожалуйста.

– Мисс Фёрнли настояла, чтобы Лили приготовила обед для всего нашего клуба. Суп получился ужасным. Все так считали, а кто-то даже сказал об этом вслух. Наверное, Лили услышала эти слова, потому что ушла на кухню и стала вытирать совершенно чистые столы.

– Бедная Лили! – воскликнула я.

– Возможно, ты будешь думать по-другому, когда дослушаешь эту историю до конца. Если бы не тот ужасный суп, ты бы никогда не родилась.

Конец истории я знала и затаила дыхание, слушая дальше.

– К моему удивлению, твой отец каким-то образом доел свою порцию. Он отнес тарелку на кухню и попросил у Лили добавку.

– Папа и добавку съел?

– Да, съел. Во время еды он задавал Лили вопросы один за другим, и за пятнадцать минут она превратилась из стеснительной и неуклюжей девушки в уверенную в себе молодую женщину.

– О чем папа ее спрашивал?

– Чего не знаю, того не знаю, но, когда он доел суп, казалось, что они знают друг друга всю жизнь.

– Ты догадалась, что они поженятся?

– Ну, я помню, что подумала: как хорошо, что Гарри умеет варить яйца, потому что Лили терпеть не могла проводить время на кухне. В общем, да, я подумала, что они поженятся.

– Потом родилась я, и Лили умерла.

– Да.

– Но, когда мы о ней говорим, она оживает.

– Никогда не забывай об этом, Эсме. Словами можно воскрешать.

Новое слово. Я вопросительно взглянула.

– Это значит возвращать из мертвых, – пояснила Дитте.

– Но Лили к нам никогда не вернется по-настоящему.

– Нет, не вернется.

Я затихла, пытаюсь вспомнить продолжение истории.

– Потом ты пообещала папе, что станешь моей любимой тетушкой.

– Да, правильно.

– И что ты будешь всегда на моей стороне, даже когда со мной будет трудно?

– Я такое говорила?

Я повернулась, чтобы увидеть ее лицо. Дитте улыбалась.

– Это то, что Лили хотела бы услышать от меня. И я говорила совершенно искренне.

– Конец истории, – сказала я.

Апрель 1891

Однажды утром во время завтрака папа сказал:

– Слова на букву С, возможно, вызовут волнение ввиду фиктивной величины всевозможных вариантов.

Мне понадобилось меньше минуты, чтобы разгадать загадку.

– Фиктивной начинается на Ф, а не на В, – сказала я.

Папа не успел еще кашу проглотить – так быстро я ответила.

– Я думал, тебя слово всевозможных смутит.

– Оно тоже на В начинается и означает различных.

– Ответ принимается. Теперь скажи, какое определение тебе нравится больше всего, – папа протянул страницу черновика через кухонный стол.

Прошло три года после праздничного пикника в честь букв А и В, но они все еще работали над гранками для буквы С. Текст на странице уже напечатали, но некоторые строчки были зачеркнуты, а поля исписаны примечаниями папы. Если ему не хватало места, он приклеивал клочок бумаги к краю страницы и писал на нем.

– Мне нравится новый вариант, – сказала я, указывая на клочок бумаги.

– Что там написано?

– «Абы знать правду, пошли за юницей и услышишь ответ из ее уст».

– Почему он тебе нравится?

– Слова какие-то необычные, звучат забавно.

– Это просто старинные слова, – папа взял черновик и перечитал то, что он написал. – Видишь ли, слова со временем меняются: их вид, звучание, иногда даже их значение. У слов своя история, – он провел пальцем по предложению. – Если заменить их другими, то предложение будет звучать по-современному.

– Кто такая «юница»?

– Девушка.

– И я юница?

Папа взглянул на меня и слегка вскинул брови.

– Мне скоро десять исполнится, – напомнила я ему.

– Десять, говоришь? Ну, тогда нет вопросов. Оглянуться не успеешь – и ты уже юница.

– Слова и дальше будут меняться?

Ложка остановилась на полпути к его рту.

– Возможно, но я думаю, если значение слова будет записано в Словарь, оно станет постоянным.

– Получается, вы с доктором Мюрреем можете дать словам любое значение, какое захотите, и нам всем нужно будет использовать их такими вечно?

– Конечно нет. Наша задача – прийти к согласованию. Мы обращаемся к литературным источникам, чтобы понять, как слово используется, потом придумываем ему определение, которое будет общим для всех значений. Это называется научным подходом.

– Что означает то слово?

– Согласование? Оно означает, что все согласны.

– Вы всех спрашиваете?

– Нет, умница моя, но вряд ли найдется книга, с которой бы мы не сверились.

– А книги кто пишет?

– Разные люди. Ну, хватит вопросов! Ешь кашу, не то в школу опоздаешь.

* * *

Прозвенел звонок на обед, и я увидела Лиззи. Она смущенно стояла на своем обычном месте за школьными воротами. Мне хотелось броситься к ней, но я сдержалась.

– Не показывай им свои слезы, – сказала она, взяв меня за руку.

– Я не плакала.

– Ты плакала, и я знаю почему. Я видела, как они тебя дразнили.

Я пожала плечами и почувствовала, как слезы снова наворачиваются на глаза, поэтому я стала смотреть себе под ноги.

– Почему они тебя дразнили?

Я подняла обожженные пальцы. Лиззи стиснула их и поцеловала, а потом так звучно чмокнула меня в ладонь, что я не смогла удержаться от смеха.

– У половины из них отцы с такими же пальцами, – сказала она.

Я удивленно посмотрела на нее.

– Святая правда! У тех, кто работает на литейном заводе, ожоги, словно клеймо, трубят на весь Иерихон[5 - Промышленный район в Оксфорде.] об их ремесле. А их малявки – негодяи, если дразнят тебя.

– Но я от них отличаюсь.

– Мы все друг от друга отличаемся, – ответила Лиззи, но она не поняла, о чем я хотела сказать.

– Я как слово alphabetary[6 - Несопоставимый (устар. англ.)], – пояснила я.

– Никогда такого не слышала.

– Это одно из слов моих дней рождений. Папа говорит, что оно устарело и никто его больше не использует.

– Ты и в классе так разговариваешь? – засмеялась Лиззи.

Я снова пожала плечами.

– У них другие семьи, Эссимей. Они не привыкли говорить о словах, книгах и истории, как ты и твой отец. Некоторые люди чувствуют себя лучше, когда унижают других. Вот вырастешь, и все изменится. Обещаю!

Мы шли молча, и чем ближе подходили к Скрипторию, тем легче мне становилось.

Перекусив бутербродами на кухне вместе с Лиззи и миссис Баллард, я прошла через сад в Скрипторий. Работники доктора Мюррея, занятые либо обедом, либо словами, один за другим поднимали головы, чтобы посмотреть, кто пришел. Я тихонько села рядом с папой. Он освободил немного места, и я достала из ранца тетрадь, чтобы выполнить домашнее задание по письму. Когда я закончила, я соскользнула со стула под сортировочный стол.

Листочки не падали, и я разглядывала туфли работников. Каждая пара идеально подходила своему владельцу, и каждая из них имела свои особенности. Туфли мистера Уоррела из тонкой дубленой кожи стояли неподвижно и косолапо, в то время как разношенные туфли мистера Митчелла, напротив, были развернуты носками наружу и без устали притопывали каблуками. Из них выглядывали носки разного цвета. Проворные туфли мистера Мейлинга всегда появлялись в тех местах, где я их совсем не ожидала увидеть. Обувь мистера Балка спряталась под стулом, а туфли мистера Свитмена выстукивали ритм мелодии, которую, как мне казалось, он напевал про себя. Когда я выглядывала из-под стола, на его лице обычно сияла улыбка. Папины туфли нравились мне больше всех, и я всегда рассматривала их последними. В тот день одна туфля лежала на другой, но обе подошвы были повернуты ко мне. Я потрогала крохотную дырочку, которая совсем недавно начала пропускать воду. Туфля качнулась, будто отгоняя муху. Я снова коснулась подошвы, и она застыла в ожидании. Я чуть пошевелила пальцем, и туфля свалилась на бок, сразу превратившись в безжизненное старье. Нога, освободившаяся из нее, принялась щекотать мне руку. У нее это получалось так неуклюже, что я с трудом смогла удержать смех. Я ущипнула большой палец на папиной ноге и отползла в более светлое для чтения место.

Все вздрогнули, когда в дверь Скриптория три раза постучали. Папина нога сразу же нырнула в туфлю.

Из своего укрытия я видела, как папа открыл дверь невысокому мужчине с большими светлыми усами и почти лысой головой.

– Крейн, – представился он, когда папа впустил его внутрь. – Меня ожидают.

Его одежда была ему велика. Наверное, он, как и Лиззи, еще надеялся до нее дорасти. Это был новый помощник доктора Мюррея.

Некоторые работники приходили только на несколько месяцев, но иногда они оставались навсегда, как мистер Свитмен. Он приехал в прошлом году, и из всех мужчин, сидевших за столом, был единственным, кто не носил бороду. Так что я могла видеть его улыбку, а улыбался он часто. Когда папа представлял мистера Крейна остальным мужчинам, он ни разу не улыбнулся.

– А эту маленькую озорницу зовут Эсме, – сказал папа, помогая мне подняться.

Я протянула руку, но мистер Крейн ее не пожал.

– Что она там делала? – спросил он.

– Наверное то, что все дети обычно делают под столом, – ответил мистер Свитмен, и мы улыбнулись друг другу.

Папа наклонился ко мне:

– Эсме, передай доктору Мюррею, что прибыл новый помощник.

Я побежала через сад на кухню, и миссис Баллард провела меня в столовую.

Доктор Мюррей сидел во главе большого стола, а миссис Мюррей – напротив него. Между ними хватило бы места всем одиннадцати детям, но, как сказала Лиззи, трое из них уже вылетели из гнезда. Остальные сидели по обе стороны стола: самые старшие – ближе к доктору Мюррею, самые младшие – на высоких стульях рядом с их матерью. Я молча ждала, пока они прочтут благодарственную молитву. Тогда Элси и Росфрит помахали мне, и я сделала то же самое в ответ. Папино поручение уже казалось мне не таким важным.

– Новый помощник? – спросил доктор Мюррей, когда увидел, как я топчусь у порога.

Я кивнула, и доктор поднялся. Остальные принялись за еду.

В Скриптории папа что-то объяснял мистеру Крейну. Тот обернулся, когда услышал, что мы вошли.

– Доктор Мюррей, сэр, для меня большая честь присоединиться к вашей команде, – мистер Крейн протянул руку и слегка поклонился.

Доктор Мюррей покашлял – хотя это было больше похоже на мычание – и пожал ему руку.

– Эта работа не всем подходит, – произнес он. – Она требует определенного усердия. Вы усердный, мистер Крейн?

– Разумеется, сэр.

Доктор Мюррей кивнул и вернулся в дом, чтобы закончить обед.

Папа продолжил показывать Скрипторий. Всякий раз, когда он объяснял мистеру Крейну, как разбирать листочки, тот кивал и говорил: «Ничего сложного».

– Листочки присылают добровольцы со всего мира, – сказала я, когда папа показывал ему ячейки.

Мистер Крейн хмуро взглянул на меня, но ничего не ответил, и я отступила от него подальше.

Мистер Свитмен положил мне руку на плечо и сказал:

– Однажды мне попался листок из Австралии. Это почти так же далеко от Англии, как другой конец света.

Когда доктор Мюррей вернулся после обеда, чтобы дать мистеру Крейну задание, я не стала их слушать.

– Он здесь ненадолго или навсегда? – шепотом спросила я папу.

– На какое-то время, – ответил он. – Возможно, и навсегда.

Я залезла под стол, и через несколько минут к хорошо известным мне туфлям присоединилась незнакомая пара.

Туфли мистера Крейна были старые, как у папы, но их не чистили уже целую вечность. Я наблюдала, как они старались устроиться поудобнее. Сначала правая туфля легла на левую, затем левая – на правую. В конце концов они обвили передние ножки стула, как будто пытались спрятаться от меня.

Незадолго до того как Лиззи должна была отвести меня обратно в школу, рядом со стулом мистера Крейна упала целая стопка листочков. Папа в шутку заметил, что листочки на букву С стали «слишком тяжелыми для наших возможностей». Он усмехнулся, как делал всегда, когда был доволен своим остроумием.

Мистеру Крейну было не смешно.

– Их плохо скрепили, – сказал он и, наклонившись под стол, постарался захватить как можно больше листочков одним движением. Он зажал их в кулаке так, что они помялись. Я охнула, а мистер Крейн ударился головой о нижнюю часть стола.

– Мистер Крейн, все в порядке? – спросил мистер Мейлинг.

– Девочка слишком большая, чтобы сидеть под столом.

– Она скоро вернется в школу, – заверил его мистер Свитмен.

Когда мое дыхание успокоилось, а Скрипторий снова погрузился в свое обычное шуршание, я ощупала пол. Рядом с начищенными туфлями мистера Уоррелла лежали два листочка. Как будто они знали, что там безопасно и на них никто случайно не наступит. Я подняла их и тут же вспомнила о сундуке под кроватью

Лиззи. Я так и не смогла заставить себя вернуть листочки мистеру Крейну.

Увидев Лиззи в проеме двери, я придвинулась к стулу папы.

– Уже пора? – спросил он, хотя мне казалось, что за часами он следил.

Я положила тетрадь в ранец и вышла в сад вместе с Лиззи.

– Можно я кое-что положу в твой сундук, перед тем как пойти в школу?

Я давно не приносила новых секретов, но Лиззи сразу же поняла, о чем идет речь.

– Я все ждала, когда же ты найдешь новые сокровища.

* * *

В сундук попадали не только листочки со словами.

В своем шкафу папа хранил два деревянных ящика. Я нашла их, когда мы играли в прятки. Я попыталась залезть подальше в шкаф, в самую темноту, и угол одного из них больно кольнул меня в спину. Я открыла ящик.

Из-за папиных пиджаков и старых, пахнущих сыростью платьев Лили в шкафу было слишком темно, чтобы разглядеть его содержимое, но моя рука нащупала края конвертов. На лестнице послышался топот, и папа запел: «Фи-фай-фо-фам»[7 - Первая строчка четверостишия из английской сказки «Джек и бобовый стебель»]. Я захлопнула крышку ящика и придвинулась к центру шкафа. Хлынул свет, и я прыгнула папе на руки.

Поздним вечером, когда я уже должна была видеть сны, мне не спалось. Папа все еще вычитывал внизу гранки, поэтому я выскользнула из кровати и на цыпочках прошла по коридору в его спальню.

– Сезам, откройся! – прошептала я и открыла дверцы шкафа.

Я достала оба ящика и уселась с ними под окном спальни. Сумрачный вечерний свет все еще позволял хорошенько рассмотреть их. На первый взгляд ящики казались одинаковыми – светлая древесина, медные уголки, – но один из них был гладким, а другой – шершавым на ощупь. Я придвинула к себе полированный ящик и погладила блестящее дерево. Сотня конвертов, толстых и тонких, сложенных друг с другом в хронологическом порядке. Его белые письма прижимались к ее синим. В основном они чередовались, но встречались два или три белых конверта подряд, как будто папе нужно было так много о чем-то рассказать, что для Лили уже не имело значения. Если прочитать все письма от первого до последнего, они бы рассказали историю их романа, но я знала, что у нее печальный конец. Я закрыла крышку, не тронув ни одного письма.

Другой ящик был тоже наполнен письмами, но не от Лили, а от других людей. Они были связаны пачками, и самая толстая связка была от Дитте. Я вытащила самое последнее письмо и прочитала. В основном оно касалось Словаря: о словах на букву С, которые, казалось, никогда не закончатся, и о том, что Редколлегия просила доктора Мюррея работать быстрее, потому что Словарь обходился слишком дорого. В конце было написано немного обо мне:

Ада Мюррей говорит, что листочки у Джеймса перебирают дети. Она обрисовала целую картину, как они до поздней ночи сидят за обеденным столом, заваленным горой бумажек. Она даже осмелилась предположить, что Джеймс хотел стать многодетным отцом именно поэтому. Слава Богу, она сохранила здравый смысл и чувство юмора. Я считаю, что без этого работа над Словарем стала бы невыносимой.

Ты должен передать Эсме, чтобы она хорошо пряталась, когда находится в Скриппи, иначе доктор Мюррей ее тоже завербует. По-моему, она достаточно умна, и не исключено, что и сама захочет помогать.

Твоя Эдит

Я задвинула оба ящика в шкаф и на цыпочках пошла по коридору в свою комнату. Письмо тети Дитте я взяла с собой.

На следующий день Лиззи наблюдала за тем, как я достала ее сундук, вынула письмо из кармана и положила его поверх листочков, устилавших дно.

– У тебя уже много секретов, – заметила Лиззи, нащупывая крестик под одеждой.

– Это письмо обо мне, – сказала я.

– Его выбросили или сочли неважным? – Лиззи старалась придерживаться правил.

Я немного подумала и ответила:

– Забыли.

К шкафу я возвращалась снова и снова, чтобы читать письма Дитте. В них всегда было что-то обо мне, какие-то ответы на папины вопросы. Как будто я была словом, а письма – листочками, которые помогали определить мое значение. Я думала, если я их все прочитаю, может быть, во мне появится больше смысла.

Письма из полированного ящика я читать не решалась. Мне нравилось смотреть на них, проводить рукой по конвертам и чувствовать их движение под ладонью. Мои мама и папа были в том ящике вместе, и, засыпая у себя в кровати, я иногда слышала их приглушенные голоса. Однажды вечером я прокралась в комнату папы и, как кошка на охоте, заползла в шкаф. Мне хотелось застать их врасплох, но едва я подняла крышку ящика, они сразу притихли. Ужасное одиночество заставило меня вернуться в кровать и потом мешало мне уснуть.

На следующий день я чувствовала себя слишком уставшей, чтобы идти в школу, и папа взял меня с собой в Саннисайд. Все утро я провела под столом с чистыми листочками и цветными карандашами. Я написала свое имя разными цветами на десяти бумажках.

Поздно вечером я открыла полированный ящик и вложила свои листочки между белыми и синими конвертами. Теперь мы все втроем были вместе. Теперь я ничего не пропущу.

* * *

Сундук под кроватью Лиззи стал тяжелеть от писем и слов.

– Ни ракушек, ни камушков, ничего красивого, – сказала как-то Лиззи, когда я открыла сундук. – Эссимей, зачем ты собираешь все эти бумажки?

– Я собираю не бумажки, Лиззи, а слова.

– Но что такого важного в этих словах?

Я и сама точно не знала. Я больше чувствовала, чем понимала. Одни слова напоминали птенцов, выпавших из гнезда. Другие были похожи на ключ к разгадке: я чувствовала, что они важны, но не понимала почему. С письмами Дитте то же самое – они казались частями головоломки, которые однажды сложатся вместе и объяснят что-то такое, что папа объяснить не в силах, а Лили смогла бы.

Я не знала, как рассказать об этом, поэтому спросила:

– Для чего ты вышиваешь, Лиззи?

Она долго молчала: складывала чистое белье и меняла простыню на кровати.

Не дождавшись ответа, я продолжила читать письмо Дитте к папе. «Ты уже думал о том, что будешь делать, когда Эсме вырастет из школы Святого Варнавы?» Я тут же представила, как моя голова торчит из дымохода, а руки и ноги – из окон с разных сторон.

– Мне нравится, когда мои руки заняты, – сказала Лиззи, а я уже и забыла, о чем ее спрашивала. – И чтобы чувствовать, что я существую.

– Какая глупость. Конечно, ты существуешь.

Лиззи перестала застилать постель и посмотрела на меня так серьезно, что я отложила письмо Дитте.

– Я убираю, помогаю готовить, разжигаю камин. Все, что я делаю, съедается, сжигается или пачкается – в конце дня не остается и следа от того, что я

делала.

Лиззи опустилась на колени и погладила вышивку на моей юбке, которая скрывала заштопанную дырку. Я порвала ее в кустах ежевики, а Лиззи ее зашила.

– Моя вышивка всегда будет здесь, – сказала она. – Когда я смотрю на нее, я чувствую, что я... В общем, я забыла это слово. Ну, что я буду здесь всегда.

– Вечная, – подсказала я. – А в остальное время что ты чувствуешь?

– Чувствую себя одуванчиком перед тем, как подует ветер.

Август 1893

Летом в Скриптории всегда было тихо. «Жизнь – это не только слова», – сказал однажды папа, когда я спросила, куда все разъехались, но мне показалось, что он пошутил. Иногда мы ездили в Шотландию к моей тете, но всегда приезжали обратно в Саннисайд раньше остальных. Мне нравилось сидеть под столом и дожидаться возвращения каждой пары туфель. Когда в Скрипторий заходил доктор Мюррей, он спрашивал у папы, не забыл ли он меня дома, и папа всегда притворялся, что забыл. Тогда доктор Мюррей заглядывал под стол и подмигивал мне.

В конце того лета, когда мне исполнилось одиннадцать, ноги мистера Митчелла под столом не появились, а доктор Мюррей стал молчаливым. Мне хотелось увидеть, как нога в зеленом носке ляжет поверх ноги в голубом носке, но место мистера Митчелла пустовало. Другие ноги приуныли. Туфли мистера Свитмена по-прежнему притоптывали, но уже не так ритмично.

– Когда вернется мистер Митчелл? – спросила я папу, но тот долго не отвечал.

– Он упал во время подъема на вершину горы и уже никогда не вернется.

Я вспомнила о его разноцветных носках и карандашах, которые он мне подарил. Я рисовала ими до тех пор, пока от них ничего не осталось, и закончились они уже давно. В моем мире под столом теперь было меньше уюта.

В начале следующего года оказалось, что и сортировочный стол тоже стал маленьким. Как-то раз после обеда я выползала из-под него и больно ударилась головой.

– Ты только посмотри на свое платье! – воскликнула Лиззи, забирая меня на вечерний чай. Моя одежда была в пятнах и пыли. Лиззи отряхивала ее как могла. – Негоже леди ползать по Скрипторию, Эссимей. Я не понимаю, почему твой отец тебе это позволяет!

– Потому что я не леди, – ответила я.

– Но и не кошка.

Вернувшись в Скрипторий, я обошла его вокруг, провела обожженными пальцами по полкам и книгам, и на их кончиках собрались комочки пыли. «Я совсем не прочь быть кошкой», – подумала я.

Мистер Свитмен подмигнул мне, когда я проходила мимо, а мистер Мейлинг спросил:

– Kiel vi fartas[8 - Как дела (эсп.).], Эсме?

– Все хорошо, спасибо, мистер Мейлинг.

Он посмотрел на меня, вскинув брови.

– А как это сказать на эсперанто?

Я задумалась.

– Mi fartas bone, dankon.

Мистер Мейлинг кивнул и улыбнулся:

– Bona.

Мистер Крейн тяжело вздохнул, намекая всем, что я неисправима.

Я собиралась залезть под стол, но передумала. Это было взрослое решение, но мне стало досадно, что не я сама приняла его. Найдя проем между двумя книжными шкафами, я протиснулась в него, встревожив пыль, паутину и два заброшенных листочка.

Они валялись под шкафом справа от меня. Я подняла сначала один, потом второй. Слова на букву С – значит, недавно потерялись. Я спрятала их и посмотрела в сторону сортировочного стола. Ближе всех ко мне сидел мистер Крейн, и под его стулом лежало еще одно слово. Неужели ему все безразлично?

* * *

– Эта девочка – воровка.

Я услышала, как мистер Крейн сказал так доктору Мюррею. Тот повернулся в мою сторону, и у меня все похолодело внутри. Мне казалось, что я превращаюсь в камень. Мистер Мюррей вернулся к своему бюро, взял гранки и подошел с ними к папе.

Доктор Мюррей сделал вид, что говорит о словах, но они даже не смотрели на страницы. Когда доктор Мюррей отошел, папа посмотрел через сортировочный стол на проем между книжными шкафами. Встретившись со мной взглядом, он рукой указал на дверь Скриптория.

Когда мы стояли под ясенем, он протянул свою руку ладонью вверх, и я молча смотрела на нее. Он произнес мое имя громче, чем обычно, и заставил вывернуть карманы.

Слово было грубым и неинтересным, но мне нравилась цитата для него. Когда я положила слово папе на ладонь, он смотрел на него так, как будто видел впервые и не знал, что с ним делать. Я видела, как его губы беззвучно повторили

слово и предложение под ним.

COUNT

«I count you for a fool»[9 - Считать. «Я вас сочту за дуру». Теннисон, 1859 год (повесть «Герайнт и Энид»)].

Tennyson, 1859

Папа долго молчал. Стоя на холоде, мы словно играли в статуи – никто из нас не хотел зашевелиться первым. Наконец он сунул листочек в карман брюк и повел меня на кухню.

– Лиззи, ты позволишь Эсме посидеть до вечера у тебя в комнате? – спросил папа, закрывая за собой дверь, чтобы не выпускать наружу тепло.

Лиззи отложила картофель, который чистила, и вытерла руки о фартук.

– Конечно, мистер Николл. Я всегда рада Эсме.

– Ее не надо развлекать. Пусть сидит и думает о своем поведении. Желательно в одиночестве.

– Как скажете, мистер Николл, – ответила Лиззи, хотя ни она, ни папа не осмелились взглянуть друг другу в глаза.

Оставшись одна, я села рядом с кроватью Лиззи и вытащила из рукава платья другое слово: counted[10 - Подсчитанный, вычисленный.]. Оно было написано красивым почерком. Я была уверена, что писала женщина, и не только потому, что ниже стояла цитата Байрона. Все буквы были с завитками.

Я залезла под кровать и вытащила сундук. Мне всегда казалось, что он должен быть тяжелым, хотя он легко скользил по половицам. Листочки устилали дно, как ковер из осенних листьев, и письма Дитте лежали среди них.

Несправедливо, что у меня неприятности из-за небрежности мистера Крейна. Я не сомневалась: эти листочки были дубликатами, с самыми обычными словами, которые много раз присылались добровольцами. Я опустила в сундук руки и почувствовала, как бумажки проскальзывают между пальцев. Я спасла их все, так же, как папа спасал другие слова, заносил их в Словарь. Мои слова попадали ко мне из укромных уголков, щелей и мусорной корзины под сортировочным столом.

Я подумала о том, что этот сундук был тоже Словарем. Только слова в нем были потерянные или забытые. У меня возникла одна мысль. Я хотела попросить у Лиззи карандаш, но знала, что она не ослушается папу. Тогда я огляделась по сторонам, пытаюсь угадать, где она их может хранить.

Без Лиззи комната казалась незнакомой, как будто в ней жил кто-то другой. Я встала с пола и подошла к шкафу. У меня даже поднялось настроение, когда я увидела ее старое зимнее пальто, верхняя пуговица которого отличалась от остальных. В шкафу висело три передника и два платья. Одно из них – праздничное. Когда-то оно было изумрудным, но теперь ткань выгорела до цвета летней травы. Я провела по платью рукой и увидела вышивку там, где Лиззи распустила швы. В ящиках лежали белье, простыни, две шали и маленькая деревянная шкатулка. Я уже знала, что в ней находится. Совсем недавно миссис Баллард решила, что мне пора узнать про месячные, и Лиззи показала тряпочки и пояс, чтобы их удерживать. Мне не хотелось на них снова смотреть, поэтому я не стала трогать шкатулку и закрыла шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Невольница. Здесь и далее перевод с английского, если не указано иное.

2

Африканский трубкозуб.

3

Лимонный кекс, который в Англии подают к ликерам или чаю.

4

Искусственно созданный универсальный язык для международного общения.

5

Промышленный район в Оксфорде.

6

Несопоставимый (устар. англ.).

7

Первая строчка четверостишия из английской сказки «Джек и бобовый стебель».

8

Как дела (эсп.).

9

Считать. «Я вас сочту за дуру». Теннисон, 1859 год (повесть «Герайнт и Энид»).

10

Подсчитанный, вычисленный.

Купить: https://tellnovel.com/uil-yams_pip/poteryannye-slova

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)